

Мусин Илья
Александрович
100-летию
сегодня рожд.

Язык и темный, и простой...

К 100-летию
со дня рождения Ильи Мусина

Строка Пушкина — о языке любви, и, стало быть, — по его же слову — о музыке. И хотя расхожая мудрость утверждает, что язык музыки понятен всем, не знает границ и т. д., и т. п., — перед языком дирижирования чаще всего останавливаются в недоумении и обыватель, и знаток. Известен анекдот о немецком бюргере, обратившемся после концерта к маститому Гансу Рихтеру с вопросом: "Зачем надо размахивать руками перед сотней отличных музыкантов? — они и так сыграют". "Тсс...", — ответил дирижер, — пожалуйста, никому ни слова, пусть это будет нашей с вами тайной!" С другой стороны, рецензенты, рассуждающие о магии дирижерской палочки, о гипнотическом воздействии дирижера на оркестрантов, в любую минуту готовы спрятаться за случайно оброненную фразу Римского-Корсакова о том, дескать, что "дирижерство — дело темное".

Пятый год с нами нет Ильи Александровича Мусина, патриарха отечественной дирижерской школы. Пятый год в Москве в издательстве "Музыка" лежит последняя монография великого педагога "Язык дирижерского жеста". Сегодня, когда издание книги как будто сдвинулось с мертвой точки, напомним ее фрагменты, напечатанные вскоре после кончины автора ("Мариинский театр", № 5 — 6, 1999).

"Технику дирижирования обычно подразделяют на тактирование и собственно дирижирование, иначе — на руководство технической и выразительной сторонами исполнения... Для овладения приемами тактирования не требуется каких-либо особых способностей. Все затруднения, проблемы и разногласия связаны именно со второй стороной дирижерского искусства — мануальными средствами руководства выразительной стороной исполнения... Дирижер оказывает воздействие на исполнителей не какими-то силами внушения, а приемами дирижерской техники. Ее нельзя уподоблять технике инструменталиста, совершенство которой во многом зависит от быстроты, ловкости и координированности движений... Техника дирижирования как в целом, так и в своих частях есть нечто совершенно иное... это своеобразное психофизическое явление, не имеющее аналогов ни в одном из видов человеческой деятельности... Можно сказать, что техника дирижера как средство воздействия на сознание исполнителей выступает в функции языка... Жестовый язык дирижера — это не язык глухонемых, не язык мимов, не язык балетного искусства и не некая условная сигнализация. Язык дирижера, с помощью которого он общается с исполнителями, ...возник и развился в результате потребностей ансамблевого музыкального исполнительства... Тактирование в исполнительской деятельности корифеев нового дирижерского искусства — Р. Вагнера, Г. фон Бюлова, Г. Рихтера и их последователей — очень скоро преобразовалось в могущественное средство общения и воздействия, в жестовый язык дирижера".

Я позволил себе столь обширную для газеты выписку, чтобы дать

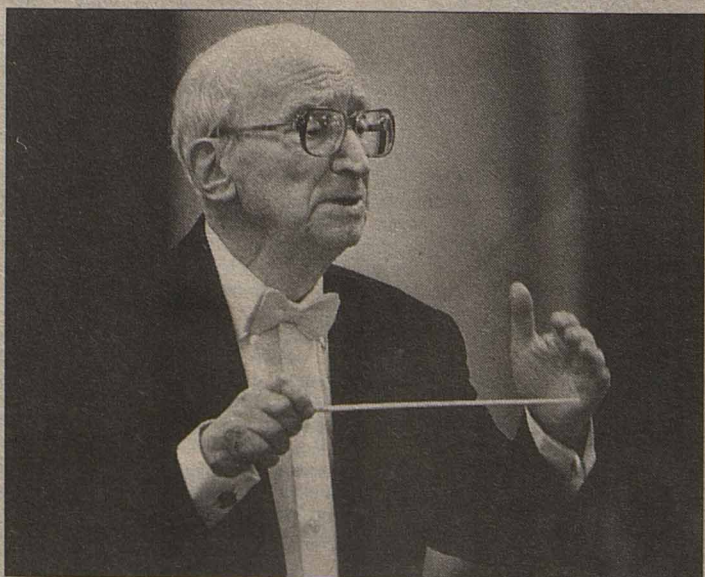
представление о взглядах И. Мусина на природу дирижерского искусства. О роли педагога, главы исполнительской школы, лучше всего скажут имена его учеников, нынче у нас в стране и едва ли не по всему миру возглавляющих крупнейшие оркестры и оперные театры. Имена Юрия Темирканова, Валерия Гергиева, Семена Бычкова, Арнольда Каца, Василия Синайского, Юозаса Домаркаса, Шан Эдвардса... Десять лет назад на праздновании 90-летия Мусина, помню, зачитали приветственную телеграмму от его 85-летнего (!) ученика Одиссея Димитриади.

Многие из названных дирижеров составили своими программами абонемент "Приношение учителю", которым Санкт-Петербургская филармония отмечает в этом сезоне столетие со дня рождения И. Мусина. Владислав Чернушенко во главе Академического симфонического оркестра филармонии и Певческой капеллы Санкт-Петербурга открыл абонемент концертом из произведений Глазунова ("Торжественная увертюра"), Танеева ("Иоанн Дамаскин"), Римского-Корсакова (Концерт для фортепиано с оркестром, солист Андрей Иванович) и Чайковского ("Итальянское каприччио"). Мариинский театр посвятил юбилею пять спектаклей: "Руслана и Людмилу" дирижировал Леонид Корчмар, "Садко" и "Князя Игоря" — Александр Поляничко, "Аиду" и "Дон Жуана" — немецкий дирижер Михаэль Гютлер. В Колонном зале Российского государственного педагогического университета имени Герцена симфонический оркестр "Классика" и Концертный хор Театра оперы и балета имени Мусоргского (главный хормейстер В. Столповских) исполнили под управлением Романа Леонтьева — одного из последних учеников профессора Мусина — "Реквием" Моцарта. Прозвучала также Сюита № 2 Перселла и Фантазия для кларнета с оркестром на темы оперы Беллини "Сомнамбула" итальянского композитора Каваллини (солист Дмитрий Маховиков). В Российской национальной библиотеке и в alma mater Мусина — Санкт-Петербургской консерватории открылись выставки, посвященные юбилею. В консерватории предстоит ряд концертов до конца нынешнего учебного года в память об одном из выдающихся ее учеников и профессоров.

На месте упокоения И. А. Мусина на Литераторских мостках Волкова кладбища в Санкт-Петербурге при содействии Мариинского театра в дни юбилея установлен памятник (скульптор Лев Сморгон). К лету, когда будет завершено архитектурное убранство захоронения, намечено официальное открытие памятника. Как хотелось бы надеяться, что к 6 июня — дню памяти выдающегося дирижера и педагога — выйдет из печати "Язык дирижерского жеста". Вместе с уже напечатанными книгами мастера, вместе с десятками часов видеофильмов, запечатлевших уроки в классе Мусина, она образует единый и неразделимый текст — книгу жизни великого учителя.

Иосиф РАЙСКИН

Санкт-Петербург

И. Мусин